

Л. М. Макушин

БЕССИЛЬНОЕ BUREAU DE LA PRESSE И НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ «МИНИСТЕРСТВО ЦЕНЗУРЫ»

Особенности литературно-информационной политики правительства на рубеже 50–60-х гг. XIX в. обусловлены специфичностью перестройки внутренней жизни России. В предшествующие годы верховная власть «созревает» для принятия бесповоротного решения о начале преобразований, об отказе от установок классического авторитарного имперства Николая I. На всех направлениях перемен, в том числе в сфере цензуры и печати, трудный поиск компромисса между «вчера» и «завтра» приводит нередко к паллиативным решениям и мерам. Они дают часто такие результаты, на которые вовсе не рассчитывают власть предержащие. Это, в частности, видно на примере Негласного комитета по делам книгопечатания 1859 г., получившего в литературе название Bureau de la presse, и несостоявшегося тогда же отдельного «министерства цензуры».

В судьбе системы отечественной прессы особо важную роль играет 1858 г., густо насыщенный событиями, имеющими прямое отношение к определению границ свободы слова. Если выделить самые главные из этих событий, то получится следующая хронологическая справка, необходимая как введение к рассматриваемой теме.

Я н в а р ь. После опубликования высочайших рескриптов об образовании губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу журналам и газетам разрешено печатать ученые, теоретические, исторические и статистические статьи об общественной жизни и деятельности правительства.

Ф е в р а л ь. Выходит циркуляр, который наистрожайше запрещает цензурным комитетам пропускать к печати все, что переносит крестьянский вопрос на политическую почву.

М а р т. Новый министр народного просвещения Е. П. Ковалевский получает от Александра II указание удерживать прессу в рамках январских правил.

А п р е л ь. После утверждения программы губернских комитетов Главный комитет по крестьянскому делу издает циркуляр о недозволении печати касаться вопроса о собственности крестьян на помещичью землю, о выкупе этой земли.

МАКУШИН Леонид Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: litera-lm@mail.ru).

© Макушин Л. М., 2008

М а й. В С.-Петербурге в большом количестве появляются юмористические и сатирические «уличные листки», вскоре запрещенные правительством.

И ю н ь. Министерство внутренних дел, которому поручена дополнительная перепроверка сочинений о преобразованиях, не справляется с растущим потоком рукописей о реформах и требует от цензурных комитетов, чтобы они сами не давали хода неблагонамеренным статьям.

И ю л ь. Александр II и Главный комитет по крестьянскому делу не разрешают министру внутренних дел С. С. Ланскому организовать в каждой губернии выпуск специальных сообщений о работе дворянских комитетов.

А в г у с т. Государственный совет обсуждает вопрос «О современных идеях, проводимых в газетах и журналах». С одобрением встречено «особое мнение» митрополита Московского Филарета о том, что самыми современными для прессы на данный момент являются идеи православия и нравственности.

С е н т я б р ь. Александр II одобряет проект русского посланника в Берлине барона А. Ф. Будберга об организации, по примеру Пруссии и Франции, специального правительственного комитета, уполномоченного направлять, вразумлять и стимулировать журналистику.

Д е к а б р ь. Главный комитет по крестьянскому делу утверждает новую программу отмены крепостного права и разрешает публиковать в печати статьи об условиях выкупа крестьянами помещичьих земель. Одновременно Совет министров обсуждает проблему цензурной политики и высказывается за учреждение «Литературного совета», т. е. Негласного комитета по делам книгопечатания.

«Нравственному» влиянию на периодическую печать Александр II придает особое значение и неоднократно пишет об этом близким людям. Так, 20 декабря 1858 г. он сообщает брату великому князю Константину Николаевичу: «По литературной части, которая пагубным своим направлением сделала уже нам столько вреда, учредил я на днях особый высший комитет, наподобие Прусского bureau de presse, и вместе с тем в самом непродолжительном времени выйдет новый цензурный устав, и, надеюсь, что одному будет помогать и даст вообще лучшее направление»¹. Фактически Негласный комитет начинает деятельность через месяц. Но слухи о его создании ходят по столицам уже в конце декабря 1858 г. В литературных и журналистских кругах реакция на это якобы секретное нововведение однозначно отрицательная.

И. С. Аксаков во втором номере славянофильской газеты «Парус» едко высмеивает доктринеров-чиновников: «...Веруя безусловно в преимущество европейской цивилизации, они с жадностью хватаются за разные образчики европейского прогресса: французские, немецкие, английские... Того и гляди повторятся петровские же ошибки, с тою разницею, что вместо нем-

цев мы обратимся к французам, вместо камеры или коллегии какой-нибудь заведем “бюро”... Немецкий кафтан, очевидно, полезет врозь, не годится, давай нарядимся во французский! Разумеется, и французский не придется по плечам... и непременно лопнет, лопнет и по швам, и даже в цельных местах, что приведет в страшное негодование наших цивилизованных чиновников». Оценка и прогноз публициста как нельзя лучше подходят к русскому Bureau de la presse.

24 января 1859 г. Александр II подписывает повеление об учреждении Негласного комитета по делам книгопечатания. Заимствованное из зарубежного опыта учреждение облекается в российскую форму, напоминающую о недоброй славы «Бутурлинском комитете» 1848 г. Председатель Комитета — генерал-адъютант А. В. Адлерберг, члены — управляющий III Отделением А. Е. Тимашев и товарищ министра народного просвещения Н. А. Муханов. «Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы», — восклицает А. В. Никитенко, подчеркивая, что три сановника очень далеки от литературы и журналистики². Это действительно так. Граф А. В. Адлерберг — потомственный царедворец, друг юности царя, боевой генерал, управляющий делами Императорской Главной квартиры, сын министра двора и уделов В. Ф. Адлерберга, от которого в 1870 г. унаследует этот пост. Генерал-адъютант А. Е. Тимашев — крупный администратор своего времени, будущий министр почт и телеграфов, министр внутренних дел. Н. А. Муханов — человек известный, но не в литературных, а в придворных кругах, один из приближенных императрицы Марии Александровны. В подборе состава Bureau de la presse Александр II руководствуется принципами личной преданности и ведомственного представительства.

Убедившись в недостаточной результативности действий цензуры и циркулярного метода внушений, правительство при создании Комитета преследует две цели. Во-первых, установить неофициальный надзор за направлением печатного слова и общественного мнения. Во-вторых, самому задавать это направление в соответствии с видами верховной власти и обстоятельствами осуществляемых в стране преобразований. Александр II верит, что «между литераторами найдутся и люди благонамеренные, которые направят умы к лучшему. Я знаю, — утверждает император, — что они существуют, но жалко и больно, что они боялись проявиться доселе из опасения противной партии, приобретшей столько влияния своим пагубным направлением к критике всего существующего в России»³. Здесь явно выделяются две литературные силы: одну следует «нравственно» поддержать, другая подлежит строгому контролю.

Документы о формировании Комитета тщательно подчеркивают его «внецензурный» характер. В журнале заседания Совета министров запротоколировано: государь лично объяснил, что «предполагаемое учреждение не

должно отнюдь иметь вида цензурного установления». Вот как далее «разводятся» Комитет и цензура, причем последняя получает не совсем лестную оценку, на фоне которой должны бы особенно перспективно выглядеть задачи Комитета. Цензура, констатируют министры, по собственному усмотрению предупреждая злоупотребления печати, «не может действовать влиятельно на самое направление литературы и посредством ее — на общественное мнение... не может указать, каким предметом следует заняться предпочтительно... Ни писатели, ни цензура не знают, чего желает правительство и что входит в его действительные виды... Предполагаемое учреждение имеет именно целью обратить литературу на полезное поприще... на такие предметы, по которым правительство желает подготовить общественное мнение... устранить бесплодные рассуждения, вовсе не находящиеся в видах правительства»⁴. Но рассуждения о «внецензурности» в условиях тотальной предварительной проверки печатных материалов оказываются в большой степени формальными. Нельзя пройти мимо того факта, что в ходе обсуждения идеи о Bureau de la presse сначала возникает мысль учредить не Bureau, а V Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии. Но это предложение отвергается: «Наименовать новое учреждение V-м Отделением значило бы объявить, что непосредственно от Государя Императора исходить будет направление литературы, а подобное предположение желательно бы отклонить, дабы меры, неблагоприятно принимаемые публикою, не относились к особе монарха»⁵. То есть не исключается возможность непопулярных действий Комитета.

От Совета министров исходит и обобщающая инструкция, врученная А. В. Адлербергу. Она определяет предмет и круг задач Комитета: «1) Служить орудием правительства для подготовки умов, посредством журналов, к предпринимаемым мерам; 2) Направлять главные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительства». Новый орган наделяется правами непосредственных связей с ведомствами, с «редакторами главнейших журналов и замечательнейшими авторами», может заказывать материалы для опубликования и ходатайствовать о вознаграждении авторам, предварительно рассматривать статьи, подготовленные в министерствах, приглашать на свои заседания журналистов, издателей, цензоров. Редакции обязываются безусловно помещать статьи, направляемые им из Комитета. На него возлагаются также заботы о создании правительственной газеты»⁶.

Инструкция, в частности, вызывает удивление на предмет оригинальной *негласности* Комитета. Что это за негласность такая, если он обязан входить в постоянные контакты с ведомствами, редакциями, авторами? Возможно, предпринимается попытка оградить Bureau de la presse от ожидаемой критики в печати. Но для подобных ситуаций отечественная журналистика давно выработала язык иносказаний. Так, в январе 1859 г. читате-

ли «Русского вестника» узнают о существовании в Берлине центрального комитета прессы, на который возлагались задачи руководства направлением частных изданий, составления статей для провинциальных газет. Но, радуется политический обозреватель журнала, «теперь правительство ясно поняло нелепость такого учреждения и убедилось в бесполезности и беззаконности подобного насилия, оно отняло у комитета это вредное и безнравственное назначение». Комитет Адлерберга на тот момент еще официально не утвержден. Редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, скорее всего, пытается предупредить правительство от опрометчивого шага. Но шаг сделан. И в феврале журнал Каткова вновь возвращается к этой теме. На сей раз поводом служит циркуляр французского министра внутренних дел, обязывающий редакторов политических изданий проникнуться духом идей Наполеона III. «Русский вестник» решительно восстает против навязывания журналистике казенной точки зрения и провозглашает: «Правительство, одушевляемое истинно благими намерениями, правительство сознательное и просвещенное не может не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнение»⁷. Всем, конечно, понятно, о чем в действительности идет речь.

Прозрачные намеки Каткова не остаются без последствий. Министр народного просвещения Ковалевский сам не сочувствует Комитету, поскольку видит в нем орган не только конкурирующий, но и надзирающий за его ведомством. Однако Ковалевский получает суровое указание свыше и вынужден издать распоряжение от 28 февраля 1859 г. о том, чтобы московские издания заимствовали текущие политические известия исключительно из газет петербургских. Для устранения всяких неуместных суждений и намеков предложено рассматривать эти обозрения и статьи в полном заседании Московского цензурного комитета. Его председателю также приказано сделать выговор цензорам «Русского вестника» Драшусову и Гилярову-Платонову и «внушить» редактору Каткову «все неприличие, всю непозволительность вышесказанных статей... и предостеречь его, что если он не изменит этого направления, то правительство вынуждено будет принять касательно его издания решительные меры»⁸.

Данный инцидент, отражающий реакцию журналистики на появление Bureau de la presse, одновременно показывает, что Комитет Адлерберга сразу же оказывается не на высоте поставленных перед ним задач. Ведь по инструкции Комитет должен был сам вразумить Каткова, дать «направление» его журналу. На деле же орган, призванный компенсировать неэффективность цензурных циркуляров, к этим же циркулярам и прибегает. Да еще и пытается скрыться в тени Министерства народного просвещения.

Отстаивая полномочия своего ведомства, Ковалевский использует приемы, уже испробованные его предшественниками. Он возлагает на чиновника особых поручений Е. Е. Комаровского и историка П. К. Щебальского

составление для императора ежемесячных обзоров материалов русской прессы с целью извлечения «пользы из сказанного в журналах, начинающих у нас служить проводником общественного мнения и органом народных нужд и потребностей страны»⁹. Обзоры должны убедить царя в бдительности цензуры, благонадежности печати и конструктивности ее выступлений. Следующая забота Ковалевского — о новом цензурном уставе, первоначальный проект которого в это время дорабатывается в канцеляриях министерства.

Министр народного просвещения пытается создать противовес ожидаемым действиям Негласного комитета и развеять сложившееся в среде литераторов и цензоров тягостное впечатление от появления некой высшей и секретной надзорной инстанции. Ковалевский подает в Совет министров записку о гласности в печати и по результатам ее обсуждения издает 3 апреля 1859 г. примечательный циркуляр. В нем признается, что «оглашение в печатных сочинениях и журнальных статьях о существующих беспорядках и злоупотреблениях может быть полезным в том отношении, что этим способом представится правительству возможность к проверке сведений официальных и принятию надлежащих по усмотрению мер. Но гласность может быть и вредною, когда она касается важных предметов управления, правительством окончательно не обсужденных или непризнанных им заслуживающими внимания»¹⁰.

Данное распоряжение о «полезной» и «вредной» гласности, мы полагаем, инициировано Ковалевским не только для наставления цензоров, редакторов и журналистов, но и для того, чтобы поставить в определенные рамки отношения между министерством и Комитетом. Это, так сказать, подстраховочный документ на случай непомерной амбиции последнего.

Сановные члены Комитета, обремененные другими обязанностями по службе и при дворе, остро нуждаются в деятельном, компетентном и надежном помощнике. Выбор останавливается на профессоре Петербургского университета, академике А. В. Никитенко. Его дневниковые заметки в феврале 1859 г. полны сомнений по поводу совместимости собственного «чистого имени» и исповедания принципов «умеренного, постепенного прогресса» с заседанием «в трибунале, который признается гасительным». Наконец, после активных увещаний Ковалевского, Адлерберга, Муханова, Тимашева, и убедив себя в том, что служба в Комитете есть «общественная деятельность», академик-цензор дает согласие стать директором делопроизводства Комитета с правом решающего голоса. 11 марта он встречается с Александром II, который тоже уверяет его в желании «не употреблять никаких стеснительных мер». «Да, да и да, я примирю Комитет с литературой и с общественным мнением!»¹¹, — надеется Никитенко.

Дневник А. В. Никитенко — едва ли не единственный источник личного характера о Негласном комитете. Его обильно цитируют исследователи оте-

чественной цензуры. Но не нужно забывать, что произведение этого жанра не только передает сведения о реальных событиях, но и несет отпечаток субъективных взглядов, симпатий и антипатий автора. При чтении дневника Никитенко складывается порой впечатление, будто лишь он один является практически работающим в Комитете лицом. Остальные — статисты, да еще с отрицательными, в основном, характеристиками. Деятельность Адлерберга, Муханова, Тимашева в литературе почти не отражена.

В Российском государственном историческом архиве нам удалось обнаружить, к сожалению, только одно — и то сравнительно небольшое — дело Н. А. Муханова как члена «особого учреждения для направления русской литературы по желаемому для правительства пути». Документы свидетельствуют, что между членами Комитета разделяются сферы и темы внимания, о чем дано знать руководителям министерств и главных управлений. Муханову поручается «наблюдение за духом и направлением современной литературы преимущественно по предметам, относящимся» к государственным имуществам, юриспруденции, религии и церкви. Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев доводит до него свое мнение о публикациях в прессе, касающихся названного ведомства. Митрополит Московский Филарет делится с Мухановым соображениями о духовной цензуре. Министр юстиции граф В. Н. Панин и главноуправляющий II Отделением граф Д. Н. Блудов присылают отзывы на статьи «Русского вестника» о гласности судопроизводства¹². Надо полагать, не менее интенсивную переписку ведут и другие члены Комитета. Остается надеяться, что архивный поиск приведет к выявлению других документов, проливающих свет на повседневную деятельность Комитета и позицию его членов по конкретным делам печати.

По дневнику Никитенко можно проследить за основными этапами работы *Bureau de la presse*. Поначалу на первый план выдвигается создание правительственного печатного органа, посредством которого предполагается обеспечивать общество официальной информацией и влиять на направление журналистики в целом. Никитенко призывает отказаться от «особых *чтецов*, которые бы следили за всеми журналами и отмечали вредные места... эта мера усилит только неблагоприятные впечатления в публике, которая вспомнит, что и у комитета 2 апреля были особые чтецы с этой целью». Взамен академик-цензор предлагает «возложить эту обязанность на сотрудников будущего журнала [так в тексте, но вообще-то речь идет о газете, а не о журнале. — Л. М.], которые и без того должны следить за журналами каждый по своей части»¹³. Исследователи почему-то не обращают внимания на эти строки, говорящие о мере либерализма Никитенко и о причине отказа литераторов сотрудничать в официальном печатном органе. Словно забыв о собственных сомнениях, он, по сути, готов сделать штатных журналистов правительственной газеты штатными осведомителями Негласного комитета. Директор делопроизводства составляет программу издания и на-

чинает искать в петербургских и московских литературных кругах будущих сотрудников...

Тем временем Ковалевский докладывает Александру II о выполнении высочайшего повеления, данного еще в марте 1857 г. тогдашнему министру народного просвещения А. С. Норову, и вносит в Государственный совет проект нового цензурного устава. Мы не будем здесь останавливаться на подробностях критики проекта в высших органах власти. Общее собрание Государственного совета 15 июня 1859 г. решает отсрочить его окончательное обсуждение до осени. Но дальнейшим прениям так и не суждено было состояться, поскольку 15 сентября председатель Негласного комитета Адлерберг сообщает в Государственный совет, что «ныне государю императору благоугодно, чтобы рассмотрение сего устава было отложено впредь до высочайшего повеления»¹⁴. В данном случае речь нужно вести о проявлении кризиса надзорных порядков, подтверждением чего и служит история с проектом Ковалевского. Назревшие вопросы модернизации правительственной политики в области печати требуют, как справедливо указывает А. М. Скабичевский, «радикальных изменений в самом строе цензурного ведомства и никак не могли быть решены мертвыми статьями устава»¹⁵.

Эти вопросы не могли быть решены и усилиями Негласного комитета. «Миротворческая» миссия Никитенко заканчивается провалом. Среди известных литераторов он не находит желающих сотрудничать с Bureau de la presse. Утомленные отсутствием результатов действий, члены Комитета все больше раздражаются против обличительных выступлений прессы и требуют от министра народного просвещения принятия решительных мер. 3 октября 1859 г., ровно через полгода после циркуляра о «полезной» и «вредной» гласности, выходит распоряжение по цензурному ведомству исключительно о «вредном» направлении печати. Внимание обращается на то, что «в последнее время в нашей журналистике, сверх сатирических произведений беллетристики, изображающих *вообще* слабости и недостатки людей... стали появляться статьи, чуждые литературного вымысла, но посвященные преимущественно указанию на злоупотребления *лиц, существующих* и рассказам *действительных будто бы происшествий* с означением иногда даже подлинных имен лиц и мест, а большей частью с такой обстановкою и прозрачным замаскированием их, что очень нетрудно догадаться, о ком и о чем идет дело... Распространение такого направления журналистики может повести к весьма вредным последствиям злоупотребления печати»¹⁶.

Запретительным циркуляром 3 октября 1859 г. Негласный комитет, по сути, расписывается в своем бессилии. Адлерберг, Муханов, Тимашев и Никитенко приходят, наконец, к решению об упразднении Bureau de la presse. Но это не такая недвусмысленная ликвидация, как в случае с «Бутурлинским комитетом». Очевидно, для «сохранения лица» предлагается объединить Негласный комитет с Главным управлением цензуры и под

покровом этой реорганизации закончить неудавшийся эксперимент. 23 октября Александр II получает всеподданнейшую записку, в которой Комитет признается, что «он лишен возможности выполнить свою высокую задачу»¹⁷.

Ковалевский поддерживает идею о фактической самоликвидации Bureau de la presse и в личной записке царю предлагает создать высший цензурный орган, находящийся вне Министерства народного просвещения. «Председателю и членам сего правления, — пишет он, — необходимо пользоваться Высочайшим доверием Вашего Величества и вполне сочувствовать истинным успехам литературы. Это даст им возможность, с одной стороны, ограждать литературу от излишних притязаний, а с другой — останавливать всякое вредное ее уклонение»¹⁸. После обсуждения записок Негласного комитета и Ковалевского в Совете министров 12 ноября 1859 г. следует высочайшее повеление: «Главное управление цензуры отделить от министерства народного просвещения и составить из оно́го, под председательством того лица, которое будет избрано Его Императорским Величеством, особое государственное официальное учреждение для исключительного и непосредственного заведования цензурою в империи и царстве Польском»¹⁹. Александр II поручает директору Императорской публичной библиотеки, статс-секретарю барону М. А. Корфу организовать и возглавить отдельное цензурное ведомство.

Энергичный статс-секретарь через несколько дней подает императору проект указа Сенату об образовании Главного управления по делам книгопечатания, главноуправляющий которого «имеет по этой части те же права и обязанности, какие донныне принадлежали министру народного просвещения». В исключительное подчинение новому учреждению переходят все цензурные комитеты, только духовная цензура и цензура губернских ведомостей остаются на прежних основаниях. «Засим участие всех прочих ведомств в цензуре произведений книгопечатания и других способов изданий впредь прекращается и, в соответствии тому, отменяются и все особые доверенные чиновники по цензурной части»²⁰. По всем признакам, создается отдельное «министерство цензуры».

Независимость цензуры от вмешательства других ведомств, недовольных выступлениями печати, — эта мысль в тот момент созвучна с распространяющимися в обществе либеральными идеями. В разговорах с монархом, видными сановниками и деятелями просвещения Корф не скрывает намерения задать «министерству цензуры» направление покровительства литературе и журналистике. Главное, по его мнению, заключается в том, чтобы «не облекать новое учреждение одним характером *карательным*, а, «напротив, так сказать, *кокетничая* с литературой, знаменем нового ведомства выкинуть *покровительство* и *направление*, а из *взыскания* или *кары* сделать же только оборот медали». Однако царь твердо придерживается

другой точки зрения: «Можно ли обещать мое покровительство и сочувствие литературе, когда она так себя ведет! Повторяю, теперь не время гладить наших журналистов по голове»²¹. Хорошо зная императора и ориентируясь в настроении верхов, Корф 12 декабря 1859 г. подает прошение об отставке, которую Александр II спокойно и даже, кажется, охотно принимает. Тем самым фактически отменяются предыдущие ноябрьские и декабрьские повеления о преобразовании цензурного ведомства.

Молва связывает неудачу создания «министерства цензуры» с отказом императора купить за счет казны дорогой особняк для Главного управления по делам книгопечатания. М. К. Лемке очень подробно рассказывает об этой истории и придает ей большое значение²². Даже великий князь Константин Николаевич, приписывая Корфу «уязвленное самолюбие», отмечает в дневнике: «Корф отказался от Цензурного места, потому что Саша не согласился на покупку дома за 200 тысяч»²³. Такое объяснение, конечно, неубедительно. А. Г. Тройницкий, кандидат на должность директора канцелярии «министерства цензуры», сообщает в письме брату: «...Против него [Корфа] и против самого начала нового управления возникла сильная оппозиция в верхних слоях и в последнюю минуту бар. Корф разошелся с государем»²⁴. Рост влияния прессы и общественного мнения предопределяет важную роль в государственном аппарате того сановника, который единолично возглавит централизованное руководство литературой и цензурой. Другие министры явно не спешат расстаться с цензурными полномочиями. Но главное, конечно, в том, что Корф «разошелся» с императором в понимании характера и задач будущего Главного управления по делам книгопечатания, понял неосуществимость своих планов в создании «хорошей» и независимой цензуры.

¹ 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 84–85.

² *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 101.

³ 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. С. 88.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 1, д. 1185, л. 19.

⁵ Государственный архив Российской Федерации, ф. 109, оп. 2, д. 3223, л. 26 об. – 27.

⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 1185, л. 18, 20, 21.

⁷ См.: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 341–343.

⁸ Цит. по: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры... С. 344.

⁹ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 4677, л. 5–6.

¹⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 443–444.

¹¹ См.: *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. 2. С. 111–112, 115–127.

¹² РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 1185, л. 1–17.

¹³ *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. 2. С. 121.

¹⁴ Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати: В 5 ч. СПб., 1870. Ч. 1. С. 348.

¹⁵ *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 444.

¹⁶ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 447–449.

¹⁷ Первоначальный проект устава о книгопечатании, составленный Комиссией, высочайше утвержденной при министерстве народного просвещения. СПб., 1862. С. 55–59.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 67.

²¹ Цит. по: *Ружижская И. В.* Корф в государственной и культурной жизни России // Отеч. история. 1988. № 2. С. 60.

²² См.: *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865. СПб., 1904. С. 20–25.

²³ 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. С. 212.

²⁴ Рус. арх. 1896. № 6. С. 296–297.

Статья поступила в редакцию 15.04.2008 г.

Б. Н. Лозовский

АУДИТОРИЯ И СМИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МАНИПУЛИРОВАНИЕ

Маркетинг — это демократия, поставленная с ног на голову, оркестр, командующий дирижером.

Фредерик Бегбедер

Я не на танцплощадке, и не жду, когда читатель пригласит меня на белый танец.

Владимир Кузнецов

Поиск *своей* аудитории для всякого средства массовой аудитории — одна из нетривиальных задач медиамаркетинга, позиционирования станции, канала, журнала, газеты на уже существующем и очень тесном рынке. Приглашением пролетариев всех стран соединяться сегодня мало кто открывает первую полосу. С начала 1992-го, когда младореформаторы, они же демократы первой волны, прокламировали в России рыночные отношения,

ЛОЗОВСКИЙ Борис Николаевич — кандидат филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: Boris.Lofovsky@usu.ru).

© Лозовский Б. Н., 2008